

Национальный
гений России

П.П. Ершов

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОВОЛЬСКА»

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

Сочиненіе П. Ершова.

ВЪ ТРИ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИНЦЕ.

—
1834.

*П.П. Еришов
М.С. Знаменский
Акварель, 1862 г. РГБ*

*Титульный лист
первого издания сказки «Конёк-горбунок»
Санкт-Петербург: Х. Гинце, 1834 г.*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=441.2)6-4
Е 80

ISBN 978-5-98178-120-9

© Тюменский общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2025

Две рукописи Ершова

Татьяна Савченкова

*Учёный,
исследователь
творчества П.П. Ершова*

Время не пощадило автографического наследия Ершова, значительная его часть была утрачена. Обращение к сохранившимся строкам поэта сегодня может открыть интересные моменты его художественных поисков не только исследователям, но и читателям, которых занимают вопросы работы автора произведения над текстом.

Сохранились ли автографы «Конька-горбунка»? Для начала скажем, что при жизни поэта появилось семь изданий этой сказки – в 1834, 1840, 1843, 1856, 1861, 1865, 1868 годах, то есть в молодые свои годы, в девятнадцать лет, и за год до смерти видит Ершов печатные экземпляры своего сочинения. Безусловно, сохранялись тогда и автографы, но сегодня ни рукописей, ни типографских наборов не обнаружено. Кроме одного. Это автограф одного из трёх первых изданий «Конька-горбунка», который хранится в РГАЛИ. Правда, создаётся впечатление, что Ершов сделал эту рукопись с печатного издания, так как в

ней сохраняются цензурные лакуны (мы видим их в первом, втором и третьем изданиях). Существовал также и печатный экземпляр первого издания, принадлежавший Ершову, в котором были исправления автора. В числе поправок, сделанных чернилами, к примеру, была следующая – вместо слов «Люба ль я вам, отвечайте. / Если любя, то признайте / Володетелем всего / И супруга моего» вносилось исправление: «Любо ль вам то, отвечайте, / Коли любя, то признайте / Володетелем всего / И супруга моего» (Мокроусов Артемий [И.] Пётр Павлович Ершов. Его жизнь, личность и творчество. [Автограф] и машинопись. Июнь 1919 – май 1920 г. РГАЛИ. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 315об.–316). О нём писал (примерно во втором десятилетии XX века) тобольский исследователь Ершова А.И. Мокроусов (к сожалению, о Мокроусове мы почти ничего не знаем. Он пользовался архивом Тобольской гимназии, который во время Гражданской войны был утрачен).

Второе издание сказки Ершов предполагал выпустить у петербургского книгопродавца и издателя И.Т. Лисенкова. В письме из Тобольска от 28 июля 1838 года он обговаривал условия её выхода: «Напечатать на такой же бумаге, как и в 1-м издании, в какой угодно типографии, но только красивым шрифтом; формат книги какой хотите...» (ОР РНБ. Ф. 436. Архив И.Т. Лисенкова. № __. Ед. хр. 43). Осуществить это намерение не удалось – второе издание, а затем и третье выйдут в Москве у книгопродавца К.И. Шамова в 1840 и 1843 годах. Текст произведения публиковался в них по первому изданию, но авторская переработка сказки тем не менее продолжалась, о чём говорит её единственный автограф из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 214. Оп. 2. Л. 49). На его первой странице запись о том, что эта «подлинная рукопись» была приобретена профессором И.П. Тихомировым. В верхней части листа гриф: «редчайшая». Текст рукописи за небольшими стилистическими исключениями соответствует текстам первых трёх изданий «Конька-горбунка». Совпадает количество стихотворных строк, а также всех цензурных вычерков, обозначенных рядами точек.

Назначение рукописи неясно, возможно она предназначалась для третьего издания 1843 года, в третьей части которого, как и в рукописи, есть строчка: «Чтоб ты в солнечном селенье...», тогда как во всех остальных шести изданиях мы читаем: «Чтоб ты в солнцевом селенье...» В число разночтений, не имеющих соответствия с печатными источниками, входят строка первой части автографа: «Он отправился в село» и глагольная форма «прокашлянул». Кроме того, Иван отвечает на предложение царя жить у него во дворце и «словно в масле сыр кататься» несколько иным вариантом пословицы: «Словно в масле сыр купаться».

Обращает на себя внимание замена в автографе слова «бесурманин», характерного для первых трёх изданий, на «бусурманин», правда, в последующих изданиях Ершов отдаст пред-

почтение первоначальной форме с её особой смысловой игрой, скрытой в глубине этого слова. В автографе также происходит замена слова «милосливы» из первых трёх изданий на «милостливы», вероятно более правильного по написанию, правда, и для этого слова в следующих изданиях будет найден ещё один вариант: «милостивы». Всё это наглядные примеры постоянной работы автора сказки над её языком, интереса Ершова к тончайшим стилистическим оттенкам русского слова.

В Тобольском музее имеется рукопись стихотворений Ершова. Не побоюсь громких слов – это одна из драгоценностей города, требующая к себе особого внимания и, соответственно, особых условий хранения. Исследователи творчества Ершова называют её «тобольскими тетрадами». Четыре тетради объединены в один том, который, по всей видимости, составлялся Ершовым в 1850-е годы. У «тетрадей» драматичная судьба, связанная с перемещениями уже в советское время из Тобольска в Омск и обратно, а также утратой ряда произведений.

В первую тетрадь входит автограф замечательного стихотворения «Тимковскому (на отъезд его в Америку)». Он располагается между стихотворениями «Первая любовь» и «Друзьям» (ТИАМЗ. Стихотворения П.Е. Тетрадь первая. КП 13215. Лл. 58–61). Датировано 1835 годом. Этот лирический образец, напоминающий о жанре послания, обращён к бывшему университетскому товарищу Константину Тимковскому. Константин Иванович Тимковский (1814–1881) – личность для той эпохи весьма заметная. Он был сыном цензора Ивана Осиповича Тимковского, внуком (по матери Екатерине Григорьевне) восточно-сибирского промышленника и мореплавателя Григория Ивановича Шелихова. Оставив историко-филологический факультет, Тимковский в октябре 1833 года поступил юнкером во флот и в 1835 году был откомандирован на службу в Российско-американскую компанию, основанную его дедом. 5 августа 1835 года он отплыл из Кронштадта в Америку на корабле «Елена» (Ивашинцев Н. «Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 гг.» СПб., 1872. С. 127–129). Ершов состоял с Тимковским в переписке, но их общение прекратилось после возвращения последнего из плавания в 1837 году. Впоследствии Тимковский вошел в кружок М.В. Петрашевского, вместе с Ф.М. Достоевским ждал смертной казни, с 1849 по 1857 год отбывал наказание в арестантских ротах. В марте 1859 года ему было разрешено жить в Санкт-Петербурге. Известен также как переводчик с испанского драм Кальдерона (напечатал перевод в 1843 году).

Молодой Тимковский намеревался вместе с Ершовым исследовать Сибирь, о чём он уведомлял последнего в своём письме из Америки ([Ярославцов А.К.] Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб, 1872. с. 23).

О характере предстоящих исследований свидетельствует ходатайство попечителя Петербургского учебного округа князя М.А. Дондукова-Корсакова на имя министра народного просвещения С.С. Уварова: «...Дабы и за тем однако ж сему молодому человеку доставить случай быть полезным Университету и дать упражнение, соответствующее его способностям и стремлениям, я предлагал ему заняться в Сибири, стране ещё мало нам известной, разными о ней изысканиями и доставлять всё, что найдено будет им по сему предмету любопытного в С.-Петербургский Университет» (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 121. Лл. 1–2об.).

В стихотворении о планах исследования столь плохо изученных земель восторженно заявляет лирический герой Ершова. Его романтические устремления не знают границ, его намерения грандиозны. Следуя высшему, то есть Божественному закону (узнаёшь библейскую цитату: «...Закон небесный / Нас к славной цели предъизбрал» – библ. «Он же сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его». Деян. 22:14), он собирается изменить человека, научив его свободно мыслить («разрушить умственные цепи»), достичь небес, добыть богатства гор, взглянуть на дно морское. Универсализм поэта-сказочника Ершова с его стремлением объединить земную, небесную и водную стихии в этом стихотворении столь же наглядны.

Безусловно, наши сегодняшние размышления над теми или иными стихотворными строками могут иметь приблизительный характер. «Гранитну летопись прочесть»... Что это? Возможно, древние знаки на скалах Урала и Сибири. Не исключено, что Ершов знал об изучении рисунков и надписей исчезнувших народов этих краёв из работ историка, исследователя Сибири Г.И. Спасского (1783–1864), знакомился с его статьями (Спасский Г.И. «О древних развалинах Сибири» // «Сибирский вестник», 1818. №3). «И в славу витязей свободы / Колосс подоблачный вознестъ». И вновь вопрос. Кто подразумевается под «витязями свободы»? Советские литературоведы отвечали на него по-разному. М.К. Азадовский считал, что скорее всего речь идёт о казаках-покорителях Сибири, а под «колоссом подоблачным» подразумевается монумент Ермаку (в конце 1820-х – первой половине 1830-х гг. по указанию Николая I шла работа над созданием памятника-пирамиды (проект А.П. Брюллова), посвящённого Ермаку, который был установлен только в 1839 году на мысе Чукман в Тобольске). В.Г. Утков говорил, что Ершов писал о декабристах. Все остальные оставляли эти строки без объяснений. А вот ещё одна строчка: «И двинуть в них и Жизнь и Смерть» – в автографе слова «жизнь и смерть» начинаются прописными буквами Ж и С. Скорее всего, это является указанием на латинское выражение «Mors et Vita» – «На жизнь и смерть», являющееся девизом Ершова и Тимковского. Латинские буквы M и V были

выгравированы на их кольцах из чёрного металла вместе с годом и числом будущего путешествия по Сибири (Ярославцов, с. 23).

Конечно, романтический текст с его многозначностью и недоговорённостью позволяет нам выдвигать разные предположения. Сказка Ершова, не остающаяся без внимания исследователей с момента первого появления в печати, и его стихи, ряд из которых существовал до сих пор лишь в архивных списках, а значит, был недоступен широкому читателю, – явления одного порядка. Ершов с его стремлением видеть мир во всей его полноте и конечной гармонии – художник цельный. Ершовские автографы не только это подтверждают, но и дают возможность увидеть в его наследии дополнительные нюансы. Образ «падшего героя» («падшаго» – автограф) – оригинальное создание фантазии поэта Ершова. Как можно понять из контекста стихотворения, герой может «пасть», не одержав видимой победы, но окончательное поражение в таком случае его не настигает, даже если он погибнет. Потому что «надежда», «святое рвенье» как основной смысл действий лирического героя здесь особенно значимы, как и «шум его паденья» для «миллионов робких».

В большинстве произведений Ершова светлый финал, так как страданиям и тоске противоположено творчество, року – провидение, грозной буре – тихая заря, земной красоте – красота горняя, слабости – шум паденья, а робости – святое рвенье. В сказке в кипящем котле гибнет царь. Этого правителя, способного как на гнев, так и на шутку, этого грозного тирана, не осуществлявшего своих угроз, жалко. Отношения между Иваном и царём более сложные, чем принято это представлять во многих работах о «Коньке-горбунке». Тем не менее его ждёт смерть, и царство теперь принадлежит царю молодому вместе с прекрасной царицей. И финальные строки представляют всеобщее веселье с напившимся народом, который (цитаты из автографа):

*Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»*

В описании застолья в царском дворце в соответствии с жанровыми особенностями русской литературной сказки появляется рассказчик с его восклицанием:

*Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.*

Даже в этих совсем небольших фрагментах текста можно узнать Петра Павловича Ершова с его особой любовью к русскому просторечию: «дерёт», «мочушка», «сердцу любо». Столь же открытое проявление эмоций и в стихотворении совсем иного жанра «Тимковскому (на отъезд его в Америку)» (цитата из автографа):

*Готово! Ясны небеса;
В волнах попутный ветер холмится,
И чутко дремлют паруса,
И гром над пушкою дымится.
Бокал! Бокал! Пускай струя
Сребристых вод донских пред нами
Горит жемчужными огнями
И шумно плещет чрез края.*

Отражение личности П.П. Ершова, его ощущений, главным из которых, пожалуй, является бодрое приятие мира, можно видеть во многих и многих его художественных вещах, преодолевших пространство и время и радующих нас сегодня.

Пётр Ершов — народный писатель

Наталья Ростова

*Доктор
философских наук,
профессор*

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения Петра Павловича Ершова – автора любимой народной сказки «Конёк-горбунок». На могиле писателя так и выгравировано: «Автор народной сказки». Но разве это не оксюморон? Разве у народной сказки может быть автор? Разве авторская сказка может быть народной?

Но противоречия здесь нет, ибо искусство в пределе своём – не след оригинальности автора, но, напротив, обнаруженная «банальность», определяющее нас присутствие, которому дали слово. Оттого мы и любим искусство, что оно рассказывает нам о нас самих, а не о субъективности творца. Искусство позволяет прожить нами переживаемое, продумать нами вопрошаемое, оно даёт нам форму собеседования с самими собой, составляя наш внутренний опыт. Автор должен отказаться от «я», преодолеть его с тем, чтобы предоставить себя тому, что его превышает. Он должен позволить через себя сказаться соборному духу. Мы называем классической ту литературу, которая возвысилась до этого идеала. Она на века, потому что она о том, что близко каждому.

Эпитет «народная» к сказке Ершова – это награда автору, высшее признание его творчества. Его сказка народная не потому, что составлена по мотивам живых рассказов, как признавался сам Ершов, а потому, что гений Ершова вернул народу у него же взятое, позволил нам услышать самих себя, узнать свои же смыслы, восхититься красотой и богатством нашей культуры. Он подарил нам «бытие собой».

Как говорил Ершов, «мне удалось попасть в народную жилку»¹. Что же откликнулось в нас?

С первых строк автор погружает нас в пространства, безграничность которых соизмерима с широтой русской души.

За горами, за лесами,

За широкими морями,

Против неба – на земле

Жил старик в одном селе, – даёт зачин рассказчик.

Можно сказать, что Россия такая большая, потому что пространств потребовала наша душа. Как говорит Ф. Гиренок, русские шли к Богу, а вышли к Тихому океану.

Наши шири заданы лесами и полями, наши вертикали измерены небом бездонным. Наши думы уводят в невозможное. Невозможное – не то, чего нет и быть не может, но то, что присутствует по иным законам, нежели мир земной. Перед нашим сознанием вечно брезжит эта мысль о невозможном.

В главном герое сказки воплотилась наша мечта. О чём мечтает русский народ? О райской жизни, о мире преображённом, ином, нежели здешний. Мы знаем, что правда на небе. У Бога. Впитанное нами христианство зовёт нас в Царствие Небесное. Легенды повествуют о граде Китеже. Художники и поэты пророчествуют об «Инонии». Народный быт наглядно воплощает мечту о преображённом мире в орнаментах и декоративных элементах, ритуалах и духовных стихах. Доминанта нашего сознания – отношение к вечности. Мы чувствуем себя кочевниками на этой земле. Отсюда у нас такая страсть к странничеству. Наша бродячая Русь представлена обилием антропологических типов. С. Максимов различил среди них прошаков и запрощиков, ку-браков, побирушек, богомоллов и богомольцев, скрытников, хри-столюбцев, калик перехожих, калунов, лаборей и нищевродов. Богомолье и паломничества были настолько распространены в нашем народе, что само духовенство предпринимало меры по их

¹ Из письма П. Ершова В. Стефановскому от января 1865 года: «На *Коньке-горбунке* воочью сбывается русская пословица: не родись ни умён, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. – Зазвела родная – и русское сердце отозвалось от хладных финских скал до стен недвижимого Китая».

сдерживанию. От этой же безудержной страсти к невозможному утверждается наш народный обычай венчать свой дом коньком. Как говорил С. Есенин, один только русский мужик додумался посадить себе на крышу коня, уподобляя свой дом колеснице, стремящейся в небо. Мы одержимы «мистерией вечного кочевья». Нас томит тоска по новому небу.

Русское сознание говорит нам о том, что путь к *иному* лежит через зачарованную пассивность, а не мирскую активность. Потому мы и православные. Потому наш любимый герой – Иван-дурак. А главный святой, определивший нерв нашей культуры, – юродивый Христа ради. Именно святого юродивого художник Нестеров водрузил в центр картины «Душа народа». Весь мир нас знает по чуду собора Василия Блаженного, хотя именно народное сознание наделило центральный для нас собор Покрова именем юродивого.

Кто такой Иван-дурак? Тот, кто идёт туда, сам не зная куда. Ищет то, сам не зная что. Кто отказывается от своего ума. Он прост, но вместе с тем непрост. Вот Иван в сказке Ершова. Он, к примеру, может чудо-кобылицу обуздать. Непростым его и сам автор называет:

*Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела...
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост –
Крепко держится за хвост.*

Может Иван справиться и с чудо-девицей, усыпляющей своими сладкими песнями, может и приврать братьям или царю, сокрыв своим «глупым умом» от них чудеса. Приврать, не чтобы социально преуспеть, а чтобы тайну сохранить в её таинственности. Иван хоть и дурак, да не глупый. С хитрецей, как скажет народ. А в чём его хитрость? В том, что он умеет главное отличить от неглавного.

Чем занят Иван? Ничем. Лежит на печи и песни поёт: «Изо всей дурацкой мочи: “Распрекрасные вы очи!”». Старшие братья, что поумнее, устраиваются в жизни, продают, покупают, обманывают, женятся, разживаются. А Иван к миру равнодушен. Он мечтает. Отец, чтоб с печи его согнать, обещает ему купить лубков, гороху и бобов. А что такое лубок? Народная картинка, игра для воображения. Ивану не нужно богатства, ему нужно пребывать в своём мечтательном мире. подобно Христу,

оскорбившего его казака А почему он может отличить главное от неглавного? Потому что у него ум иной, не свой.

Об этом раздваивании ума говорит вся наша культура. Христианство различает ум мирской и ум Христов. Христианин – тот, кто стяжает сокровища небесные, а не земные, кто жертвует своим умом ради ума Божьего. Пределом самоотдачи является путь святости, а наглядным выражением – подвиг юродства Христа ради. В самом названии подвига заключена его суть. Юродивый – тот, кто подвизается Христа ради, достигая нищеты духовной. Кто всецело предоставляет себя Христу. Кто отрёкся от всего мирского – не только от имущества, тела, страстей, но и от своего ума. Кто заплатил своим умом ради небесной мудрости. Он нищ, но в этой нищете обретается подлинное богатство. Он – человек обратной перспективы. Человек-икона. Тот, кто смотрит на мир не своими глазами, а глазами Бога. Чьё поведение отсчитывается не от «я», но от Христовой истины. А потому миру оно кажется непозволительным, непонятным, предосудительным. Мир смеётся над юродивым, бьёт его, изгоняет. Но подлинно смеётся именно юродивый, ибо смотрит на мир из Божественной перспективы. Как говорит христианство, юродивый ругается миру.

В литературе о том же рассуждали Н. Лесков и Ф. Достоевский. Герои Лескова – Божьи праведники, чьи действия и слова недоступны для мирского ума. Они непостижимы даже для Церкви, как в истории с фантастическим героем Фигурой, простившим, подобно Христу, оскорбившего его казака и поплатившимся за то своей должностью да и всей своей социальной жизнью. Мне, говорил герой, важнее всего «моя воля, возможность жить по одному завету, а не по нескольким», то есть по Христову закону. Мир говорит ему: накажи обидчика, защити поруганную дворянскую честь, живи на две правды, – а он слышит Бога, правду единственную. Бога били, и Он простил. И, если ты с Ним, ты тоже простишь, хотя бы миру это и не было угодно. Так думает он, желая быть своим для Христа, не быть чужим Ему. Фигуру, конечно, прогоняют вон со службы, недоумевая, что перед ними за человек.

Достоевский в романе «Идиот» различает два ума – главный и не главный. Как говорит Аглая Мышкину, хоть он и болен умом, зато главный ум его таков, что другим и не снилось. Что значит «главный ум»? Можно быть умным в мире, приводить себя в соответствие с ним, соображать, ловчить, быть своевременным. А можно отвернуться от мира, оборотиться к себе в поисках правды. И стать неуместным, неуютным, «идиотом». Ведь князь Мышкин в романе Достоевского «идиот» только потому, что пытается не лгать, следовать одной правде. Он многих сбивает с толку своей вдумчивостью, точными замечаниями. Он не глуп, хотя и «идиот». Он умён, хотя его ум противен миру.

Для обозначения особого ума обэриуты придумали слово «заумь». Заумь – не отклонение от ума, не его поврежде-

ние, но то, что буквально за умом ум определяет. Европейская культура противопоставляет ум и безумие, норму и патологию. Её логика горизонтальна. Она помещает человека в культуру, во внутренний конфликт с социумом. Русская культура говорит об истоке ума, что ему внеположен. Её логика вертикальна. Человек описывается на языке мистерии, отношения к запредельному. Для нас безумец не тот, чьё поведение строится вокруг бессознательного «Оно», но тот, кто обращён к невозможному. Даже братья в сказке Ершова называли Ивана не просто «дурак», а «благой дурак», то есть блаженненький, тот, кто при Боге.

Главный ум видит главное. Главный ум не придаёт значения неглавному. Старшие братья Ивана в сказке Ершова способны увидеть в редких конях, что достались Ивану, наживу – деньги, которые выручат за их продажу. Но они не способны увидеть их красоты. Глядя на коней, они «чуть-чуть не окривели» от своих житейских фантазий на их счет. Они не способны разглядеть своим суетливым мирским умом Конька-горбунка, кто «на земле и под землёй» будет верным товарищем. Ослеплённые миром, братья не могут принять его «службу», отдаться этой службе. Для них он только «чудная зверушка», предмет праздного разговора. В огоньке, что забрезжил перед ними по дороге в город, они видят повод избавиться от Ивана. «Чтоб тебя там задавило!» – коварно думает про себя один из братьев, отправляя Ивана на разведку. Для их ума непостижимо, что это свет пера волшебной Жар-птицы.

В Иване они видят дурня. А он умнее умных. Он был последним, а стал первым. Положившись на мудрость конька, из деревенского парня он превратился в царского слугу, коновода. Его оклеветали в царских палатах, а он стал стремянным. Царь устроил ему смертное испытание с кипящими котлами, а он преобразился в красавца, взял в невесты Царь-девицу и сам сделался царём.

Почему последний стал первым? Потому что Иван не искал для себя наживы. Не держался своего «я». Он доверился чуду. Братья испугались сторожить ночное поле. На одного «боязнь напала, и со страхов наш мужик закопался под сени», у другого от ужаса «зубы начали плясать; он ударился бежать – и всю ночь ходил дозором у соседки под забором». Чего испугались братья, разве на них кто-то напал? Ночи ненастной они убоялись, то есть собственных страхов. А почему? Потому что тот, кто одержим «я», всего боится. Христианство различает два страха: страх психологический и страх Божий. Кто уповает на себя, тот боится даже тени своей, как говорят учителя Церкви. А тот, кто уповает на Бога, ничего не боится. Один страх исключает другой. Иван послушно идёт стеречь поле, как велел отец, он не ловчит, как его братья, не обманывает и в награду за своё послушание зрит то, что не видел никто. Невидимое становится для него видимым.

Когда нужно пройти последнее испытание, конёк предупреждает его:

*Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись.*

Конёк говорит ему – «не зевай», то есть не раздумывай, не держись своего ума, отвергнись его, поверь в чудо. Не планируй, а «молись да спокойно спать ложись». Иван так и сделал. Когда конёк совершил перед котлами всё, что обещал:

*На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул.*

Он нырнул «тотчас», положившись не на себя, а на ум конька. Чудо никогда не соизмеримо с ожидаемым. Чудо всегда превыше. Оно невысказано. Иван хотел бы остаться живым, да не только чудесно спастись от смерти, но был одарён высшей наградой. Он повенчался с самой красотой и небесной мудростью.

Сказка расставила всё на свои места: красота и добро восторжествовали, хитрые братья остались ни с чем, то есть лишь со своим убогим мирским, неуёмный в своих желаниях царь от них же и погиб, повинившегося кита простили, послушавшийся раз конька Иван, взявший вопреки предупреждениям перо Жар-птицы, прошёл до конца все испытания. В сказке несложно проследить структуру мистерии: отказ от относительного, продвижение к абсолютному, встречу с абсолютным. А также усмотреть в чудо-коньке проводника в иной мир, а в невесте – благодать, ведь скорее это она его в женихи взяла, нежели он её добился. Но хотя сказка и христианизирована, Ершов показывает и обратную сторону женственности нашей культуры.

Автор венчает небесный мир, в котором побывал Иван, православным русским крестом из звёзд. В этом путешествии Ивана он поселяет в нашем сердце щемящую тоску о небе. Как пишет Ершов:

*Тут Иван с землёй простился,
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, –
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, –
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..»*

И мы хотим обрести голубую землю под ногами, пролететь над лазоревыми полянами. Но, отправляя нас с героем туда, где «небо сходится с землёю, где крестьянки лён прядут, прялки на небо кладут», вместе с тем автор обнаруживает в нас беспечность, наше упование на то, что всё как-то само образумится и мир превратится в молочные реки с кисельными берегами. Как говорит Ершов в эпиграфе к третьей части:

*Доселева Макар огороды копал,
А нынче Макар в воеводы попал.*

Нам хочется верить, что «Макар» чудесным образом воеводой станет, никто обернётся кем-то. Нам близки несложные соображения Ивана, попавшего к царю на службу и требующего от него, чтоб тот высыпаться ему давал:

*Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься...
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить...
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!*

За наш идеал внутреннего человека, зрящего на мир периферическим зрением и грезящего о высшей истине, мы платим обратной стороной мистической пассивности. Мы не только носим в себе своего внутреннего «Обломова», но, как сказала бы Е. Трубецкой, в сладком мистическом сне оказываемся открытыми для тёмных разрушительных сил.

Но только в этой предельной самоотдаче стяжается высшая истина. Мы верим в провидение, прочитывая свою историю как необъяснимые, чудесные превращения птицы Феникс, всякий раз возрождающейся к новой блистательной жизни.

Ершовские тезисы. Национальный гений России

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Анатолий Омельчук

*Писатель,
почётный гражданин
Тюменской области*

У меня два тезиса.

Пётр Ершов – национальный гений России.

«Конёк-горбунок» – наш национальный эпос.

Два примечания.

Мировой эпос «Илиада» Гомера: в нём греческие боги – мелкие людишки с мелкими страстишками.

Русский эпос «Конёк-горбунок»: в нём простой ишимский крестьянский сын Иван – всемогущественнее богов, он братается с равными себе – Солнцем и Месяцем. Русский мужик всегда готов и может стать царём.

Сравните масштаб эпических героев.

«Слово о полку Игореве». «Конёк-горбунок». «Война и мир». Я к чему?

Если русскую литературу оценивать не по тому, как она отражает, а как выражает национальный характер, по ка-

честву ментальности, по русской самоидентичности, то обнаружим, пожалуй, только три вершины: «Слово о полку Игореве», «Конёк-горбунок», «Война и мир». Найдём что-нибудь ещё? Пожалуй. Но калибром поменьше.

Вершины эти – не только литература. Больше, чем литература. Это ещё и национальное самоопределение. Русская идентичность.

Странно представить, что в России – уже и XXI века – его кто-то не знает. Понятно, фамилию могут забыть, имя и отчество перепутать, но о коньке-горбунке наверняка вспомнит всякий, даже далёкий от любой литературы человек. «Конёк-горбунок» вошёл в мифологию страны, в систему мифических, но и сугубо прагматических национальных ценностей, без которых немислим народ-страна.

Загадка: мы не знаем, кто «изобрёл» знаменитую на весь мир русскую Бабу-ягу. Родитель конька-горбунка известен.

Редкому гению удаётся эдак совпасть с собственным народом. Самому Пушкину оказалось не под силу. Пётр Ершов совпал. Однажды. Но – навсегда. В нашем Отечестве, впрочем, это не доблесть.

Пётр Ершов в общественном сознании скорее случайный гений. Гений случая.

Озарило.

Один раз.

Повезло.

Но в системе ценностей отечественных литературных координат один раз не считается. Признанным гением останется тот, кого не обязательно читают, но кого – почитают.

Грех Ершова – он читаем. Сегодня, до сих пор, надолго, возможно навсегда.

Это грех. Это драма. Это трагедия. Востребован, но не оценён. Крамольное: возможно, и не надо оценивать?

Жизнь Петра Ершова проста до неприязнительности, так истово он влачил свою лямку обыденного быта, что вся его жизнь, целиком, становится сплошной загадкой. Из его жизненного быта не вытекает его творческое бытие.

Зачем объяснять? Зачем оправдываться? Жизнь личности и жизнь творца – параллельные. И как в случае с нашим героем – не обязательно пересекающиеся прямые.

Случай «Конька-горбунка» настолько нехарактерен и беспрецедентен и для отечественной, и для мировой литературы, что сразу вызвал однозначно естественную реакцию: не поверить.

Не может быть!

Может быть, первооткрыватель ершовского гения, блестящий столичный петербургский эстет Пётр Плетнёв поверил, но загадочная – 19 лет! – молодость гения сразу породила версии.

Естественно, напрашивалось:

– Пушкин помог? Пушкин помог.

В нашу эпоху, когда выделяться помогает исключительная экстравагантность, версия трансформировалась. Уже: Пушкин написал!

Самые отчаянные доказательства, что Пётр Павлович – удобная личность и просто псевдоним настоящего автора «Конька-горбунка». Скромный сибирский студент Ершов великим быть не может, великую сказку может написать исключительно великий Пушкин. Если он «наше всё» – отдадим ему всё наше...

Помогал или не помогал?

Это важно?

Это не важно.

Точные слова рождаются нечаянно. Случайно. И чем случайнее – тем точнее. Пушкин определённо не может быть автором этой народной сказки на века. Перед Пушкиным стояла иная задача: он закладывал основы отечественной литературы и был обязан идти впереди непросвещённого народа. А вместе с народом идёт – из гениального народа поднявшийся – молодой, неизвестный, опрометчивый, многое не ведающий и не понимающий ишимский отрок Пётр. Это он может быть конгениален, со-гениален своему народу. Стихийно. Импульсивно. Как выдох.

У любого шедевра, который мы считаем народным творчеством, естественно, есть автор. Но он неизвестен. Безымянен. Запомнят. Да это и неважно. Народная сказка «Конёк-горбунок» народна окончательно. И «Горбунок» стал бы народным творчеством, да вот – на беду – автор известен. Пётр Ершов своим явлением приоткрывает завесу тотальной тайны: как творит народ.

Это даже не трагедия Ершова-творца. В народном творчестве оседают только шедевры. Всё остальное – народом натворённое – пропадает. Отсеивается. Временем. Промывается временем, как водой – золотой песок.

Ершовский «Конёк» – золотой самородок, и разве беда, что всё «остальное», ершовское остальное, должно отсеяться? И отсеялось. Человечеству много шедевров не нужно: много – уже не шедевр. Потому он и шедевр: изредка и надолго. Не на время, а на времена. Время не берёт. Хотя во всём своем скромном «остальном» творчестве Пётр Ершов, понятно, не провинциальный эпигон. И пьеса «Сузге», и рассказ «Панин бугор», и сборник «Осенние вечера» – очень красивая литература.

Неважный провидец, прокурор отечественной словесности, неистовый демократ Белинский Петру Ершову отказал безапелляционно: «“Конёк” не имеет... никакого художественного достоинства».

Всегда найдётся очередной неистовый Виссарион, который – со своей трансцендентной кочки, из своей безупречной норки – великого современника не заметит. Заметит – укоротит.

Судьба Ершова не укладывается в прокрустово ложе благополучного литератора.

Безупречная слава – умереть вовремя. Своевременно. Ершову не суждена столь безупречная слава. Он жил.

Обыватель вечности.

Лучше, чем сам Ершов, нашего тобольского провидца никто не понял. Он себя приговорил. Он себя не разгадал, но приговорил: «Непостижимое мученье». Это он о своём творчестве.

И искромётный «Конёк-горбунок» прорвался – естественно и вольно! – из этого «непостижимого мученья» юной гениальной души.

Великая дорога великой литературы... Странник на обочине. Обязательное одиночество. Гений на обочине. Драма жизни – житейская драма. Гений обычной судьбы.

Сирота русской литературы.

«Конёк-горбунок» – это эпос.

Эпос русского народа. Русская «Илиада». Эпос русского духа.

Для эпоса полтора века разве срок? Мы – современники последнего русского эпоса. Дети это осознают лучше, поэтому – рисуют эпос. «Конёк-горбунок» – поэма сказочно, неожиданно мудрая – не случайно ушла к детям. Дети своим незамутнённым, незасорённым умом, осваивающим мир, больше понимают в проблемах мироздания и судьбах человечества. А ведь их вечный сверстник Петя Ершов писал именно об этом и только об этом.

Я недавно беседовал с довольно взрослыми, очень начитанными тюменцами. Разговор зашёл о «Коньке-горбунке», я, понятно, начал речь о национальном достоянии, но меня быстро пресекали:

– Вы разве не знаете, что «Конька-горбунка» написал Пушкин? Это доказано. Загляните в Интернет.

К счастью, я Интернетом не пользуюсь, не умею.

Конечно, я поспорил, может даже убедительно, но понял: для моих культурных современников убедительнее откровенного интернет-вранья уже ничего не бывает.

Всё это, понятно, не занимательное пушкинское литературоведение, это предательство русской культуры, творчества русского народа.

В случае с Петром Ершовым...

«Конёк-горбунок» – мощная планетарная культурная сила, не буду говорить – оружие.

Ершов сражается за русских уже три века. Побеждает. Победит. Если мы, земляки, сами не сдадимся.

В моих книжных завалах есть и такой томик: Александр Пушкин «Конёк-горбунок». Покажу. Издание 2011 года. Книжка с автографом: «Анатолию Омельчуку – от авторов. В. Козаровецкий». Не помню точно, но, наверное, встречался с Козаровецким в Москве, когда мы делали фильм о Ершове «Обыватель вечности». Ну что ему докажешь? Бисер перед свиньями. Это его единственный хлеб. Проявив бешеную деликатность, я с ним не спорил и ни в чём не переубеждал. Господь правду знает.

Для меня вопрос авторства «Конька-горбунка» не существует. Пушкин – великое событие литературы, а Ершов – стихийное явление природы. Пушкин просто-напросто по уровню таланта не мог бы написать стихийный эпос «Конёк-горбунок». Его уровень – «Сказка о царе Салтане». «Сказка о попе и работнике его Балде». Баловство. Не по силам Пушкину «Конёк-горбунок». Гений. Но не стихийный.

Соавтора Ершову найти нетрудно. Он известен. Соавтор Ершова – народ. Наш народ. Ершов – эстетический выбор русского народа.

Пушкин – «наше всё», но до соавторства с русским народом он не дотягивает. И, признаюсь, когда все эти Козаровецкие и иже с ними обижают моего земляка, унижают национального гения Ершова, во мне вскипает спокойная сибирская ярость: да это ж «ваше всё», нижегородский помещик, незатейливо приторговывал людьми, своими крепостным людишками. Молодыми девками и работающими мужиками. Торговал русскими душами. Ведь даже тогдашнее помещичье право крепостных считало по душам. Крепостных мужиков. Работорговец восславил свободу!

Да уймись же вы, наконец, ради Бога. Наш честный сибиряк учитель Ершов весь свой подлинный век честно-верно служил родному Отечеству и родному народу. Подвижник, святой русской литературы. Но – не обижайте сибиряка.

«Конёк-горбунок» – это русский человек может всё! И сможет всё!

Разве есть в русской литературе ещё что-то подобное? Радостное, задорное. Всепобеждающее.

Мы занимались возрождением-строительством храма Петра Столпника (по проекту самого Ершова) в его род-

ном форпосте – Безруково. Это неподалёку от Ишима. Я увлёкся личностью Ершова. Вот такова последовательность моего восприятия Петра Ершова.

Размышляя о Ершове.

Мой путь постижения его личности и его роли в отечественной и мировой литературе.

Сирота русской литературы.

Первый космонавт отечественной литературы.

Национальный гений. Образец нравственной опрятности. Страстотерпец и великомученик отечественной словесности. Святой русской литературы.

Скорее всего, всё вместе.

Понятно, как я переживаю за своего земляка?

Пересмотрим иконостас отечественной классики. Кто там тянет на святость? Только наш земляк, Петя из безруковского форпоста. Для меня: святой Пётр Сибирский.

Так вот, о храме. Есть ещё один святой в современной русской действительности – большой отечественный меценат Сергей Павлович Козубенко. Он практически единолично и построил храм поэта в Безрукове. Это не единственная доблесть Сергея Павловича. Козубенко – это и Василий Шукшин на Пикете в Сростках, и Параша Луполова, и Пётр Ершов – в Ишиме.

Я не покушаюсь ни на какие авторитеты, не собираюсь ниспровергать чьи-то догмы и догматы, разрушать каноны. Но себе-то я эти вопросы задать могу? Да, впрочем, они сами собой задаются, без всякого моего вмешательства, помимо меня. Как говаривала моя мама: взбрело в голову.

Старый Пушкин... виноват... оговорился. Какой Пушкин старый? Стареющий? Усталый? Следовательно, так: усталый Пушкин – уже накануне своей смерти (может, перед смертью люди кажутся старыми?) высказался о Ершове ядрёно, но определённо восторженно: «Этот Ершов владеет русским стихом, как своим крепостным “мужиком”».

«Наше всё» был ко всему прочему порядочным циником: но как точно! Классически точно! Compliment, понятно, мощный, честный, но всё-таки отчасти и сомнительный. В нём слышится не только голос основоположника русского литературного языка, но и неизбежная спесь крепостного помещика.

Услышали?

Ершов на самом деле владеет русским стихом как свободный русский свободного русского народа.

Наверное, уважая лишь это ядрёное пушкинское резюме, ретивым «ершовоедам» и записным пушкинистам не

следовало бы задаваться суетливыми рефлексиями: ах, почему всего один шедевр?

Неписанный и всё ещё не сформулированный закон литературы: зачем будущее, когда есть блистательное прошлое?

Литература – как женщина. И кто это ей поставит в вину?

Повторюсь. Третий дополнительный тезис:

– Ни у какого гениального Пушкина не останется таланта написать «Конька-горбунка». Пушкин – явление литературы. Мощное явление, но – литературы. Ершов – явление природы, природное явление. Стихийное явление. Стихийный Ершов может создать национальный эпос.

«Наше всё» Пушкин – всё что угодно, но национальный эпос – никогда. Как говорится: не по размеру. Другое измерение масштаба гениальности.

В версии «ершовоедов» есть всё же и пара положительных моментов.

Они, во-первых, хочешь не хочешь, а привлекают внимание к «Коньку-горбунку» и персоне автора, по-нынешнему говоря – пиарят. Пиарят – от противного и, понятно, противно донельзя. Но у пиара же нет знаков плюс-минус. Только абсолютный пиар.

И второе. В истории литературы оспаривают только авторство великих. Вечные примеры: великий Шекспир, великий Рембо, великий Шолохов... Великий Ершов.

Так что некая помощь приходит именно от тех, кто сам явно не желал этого.

Как только не определяют «Конька-горбунка».

Поэма, сказка, повесть в стихах, даже лубок.

Мелко, мелковато.

Ершовский эпос вне жанров. Не вмещается.

Эпос – фундамент всех жанров.

Как только не мельчат самого Петра Ершова.

Сказочник. Поэт. Писатель. На дорожном указателе в с. Ершово – в родной безруковский форпост – очень мелким шрифтом «писатель П.П. Ершов».

А как надо?

Просто – Ершов. Пётр Ершов.

Просто же – Гомер.

И столь же просто – Ершов.

Их очень немного – на всё человечество.

«Здесь родился наш Ершов!» Уточнений, я думаю, уже скоро не потребуется.

Книжная статистика утомилась: она перестала считать (воистину) бесчисленные издания-переиздания «Конька-горбунка» на языках всех народов Российской Федерации и всего сопредельного мира. Миллионы. Ясно, что в нашей стране 150 миллионов экземпляров «Конька-горбунка» наберётся с лихвой. Ясно, что и в мировом рейтинге наш классик в высшей топ-лиге самых читаемо-издаваемых авторов. Наверное, может поспорить с самим Мао Цзэдуном. Ну а Гомеру ершовские тиражи и не снились.

Всё это свидетельствует: планетарный читатель идентифицирует русского человека по ершовскому эпосу. Не по Евгению же Онегину. «Конёк» – такое же библейское сказание о русских в мировой памяти человечества. И непропадающий интерес вот уже почти три честных века.

Эпоха Ершова продолжается? Нет, только начинается!

Пётр Павлович Ершов – беспощадно скромный сибиряк.

Но нам с ним скромничать никак нельзя. Мировая величина! Планетарный авторитет! Детей и всех взрослых пяти обжитых континентов.

Он – выдохнул. За раз. Но на века.

«Конёк-горбунок» – с его-то вопиющей простотой и ишимской простоватостью – самое загадочное произведение русской литературы! Другого такого шедевра памятливая отечественная литература не припомнит. Заглянем в эпилог «Конька-горбунка». Космическая феерия!

Пётр Ершов – первый космонавт русской литературы. Конечно, и до него, и вместе с ним летали. Но невысоко, как у Гоголя – на высоте Вия. И только Ершов поднялся в космические выси. Может быть, дать себе труд задуматься: на такой взгляд на нашу Землю способен только тот, кто посмотрел на неё с высоты? Из космоса. Каков космический замах! Космическая дерзость! Эпилог «Конька-горбунка» помните? Кто невеста деревенского бесшабашного парня Ивана из-под Ишима?

То-то! Дочь Солнца, сестра Месяца!

Ершов знал цену любви. Он платил всю жизнь за свою неоценённую любовь.

*Враги умолкли – слава Богу,
Друзья ушли – счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь...*

Вечное отточие.

Мы любим Ершова. И он об этом знает. В своём храме Петра в родном Безруково национальный гений России. Святой русской литературы.

Национальный гений России

Руководитель проекта: А.Г. Елфимов

Дизайнер: И.Е. Лукьянов

Авторы текста: А.К. Омельчук

Н.Н. Ростова

Т.П. Савченкова

Корректор: А.И. Порошина

626152, Россия, Тюменская область,
Тобольск, ул. Свердлова, дом 34/1.

Тел./факс: (3456)24-67-50

e-mail: elfimov_fond@mail.ru

www.tobolsk.org

© Общественный благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска». 2025

Гарнитура: Lazurski, Menuet script

Подписано к печати 19.03.2025

Издательско-полиграфический комплекс

«НОВЫЕ РЕШЕНИЯ».

(495) 923-4567

asnit@inbox.ru

